

Я. А. Пенькова (Москва, Россия)

Из наблюдений над семантикой имперфективного будущего в среднерусской письменности

Настоящая работа посвящена имперфективному будущему — конструкции *буду* + инфинитив — в начальный период ее возникновения и эволюции в истории русского языка. В фокусе внимания находится аспектуальная семантика глаголов, употреблявшихся в составе этой конструкции в среднерусский период (XV–XVII вв.), не связанная с корреляцией СВ/НСВ, поскольку в образовании перифразы *буду* + инфинитив участвуют только глаголы несовершенного вида.

Конструкция *буду* + инфинитив засвидетельствована не во всех славянских языках: она отсутствует в современных южнославянских языках, а для восточной части южнославянского мира (болгарского и македонского языков), а также для словенского языка не была известна и в исторической перспективе. В истории сербохорватского языка эта конструкция функционировала как второе будущее, т. е. средство для референции к будущему в зависимых предикациях.

Почти во всех восточно- и западнославянских языках, за исключением серболужицких, эта перифраза всегда сочеталась только с имперфективами, и только в серболужицких и в истории сербохорватских говоров имеет или некогда имела возможность употребляться с глаголами СВ. Среди славянских языков, в глагольной системе которых присутствует конструкция *буду* + инфинитив, позднее всего ее приобретает русский язык: первые единичные примеры — в текстах с языковыми чертами простой мовы —

фиксируются с середины XV в., а в собственно великорусских памятниках эта перифраза регулярно употребляется только с XVII в.

О конструкции БУДУ + инфинитив в современном русском языке и в его истории существует обширная литература. Назовем здесь наиболее важные, с нашей точки зрения, работы исторического характера. М. Мозер обсуждает контактное польско-рутенское влияние на распространение в русском языке конструкции БУДУ + инфинитив (Moser 1998: 303–330). Х. Кржижкова, напротив, полагает, что грамматикализация имперфективного будущего в истории русского языка не связана с польско-рутенским влиянием (Křížková 1960: 173–180). О. Сван рассматривает вопрос о том, почему конструкция БУДУ + инфинитив вытеснила другие перифрастические конструкции, существовавшие в средне-русской письменности, предполагая, что БУДУ + инфинитив стала лишь заменой уже грамматикализованному будущему со вспомогательным глаголом СТАТИ (Swan 2012). М. Валей объясняет грамматикализацию конструкции БУДУ + инфинитив в славянских языках тем, что вспомогательный глагол приобрел инхоативную семантику и стал употребляться с инфинитивом НСВ, подобно другим инхоативам (Whaley 2000: 142–143). В настоящей работе мы проверим справедливость выводов О. Свана и М. Валей для русского языка и покажем, что конструкция БУДУ + инфинитив не была «импортирована» русским языком как простая замена конструкции СТАНУ + инфинитив, но заняла свою особую нишу в системе перифрастических форм с референцией к будущему.

Материалом настоящего исследования послужил существенно пополненный в последние годы среднерусский корпус НКРЯ. Интересующая нас конструкция не имеет высокой частотности в корпусе (и в среднерусской письменности в целом), поэтому мы располагаем полной выборкой контек-

стов из памятников XV–XVII вв., которая насчитывает более трехсот примеров в текстах различных жанров и регистров. Полученные контексты были классифицированы по следующим признакам: источник, дата создания текста и создания списка (для случаев, когда обе даты не совпадают), семантика конструкции (дуративное, прогрессивное, континуативное, итеративное, инхоативное значение и др.) и акциональная семантика инфинитива. В последнем случае использовалась классификация Е. В. Падучевой (Падучева 2009), обобщившей подходы Э. Вендлера и Ю. С. Маслова и интегрировавшей в их схему агентивность глагола. Мы также опирались на недавнее исследование Н. М. Стойновой (Стойнова 2019), рассматривающей различия между *стану* и *буду* как вспомогательными глаголами в конструкции с инфинитивом на материале современного русского языка. Согласно указанной работе, различия между перифразами заключаются прежде всего в том, что *стану*, в отличие от *буду*, требует отчетливого контраста с настоящим, ср. пример из указанной работы (Там же: 64):

(1) Мы пришли в начале седьмого, сели за столик. Предупредили, что **будем расплачиваться** ^{OK} расплатимся / ^{??} станем расплачиваться) картой.

Следствием из этого является способность *буду* + инфинитив и неспособность *стану* + инфинитив в неотрицательных предикациях употребляться в контекстах прогрессива, с общефактическим (ср. пример 1), дуративным и континуативным значениями, а также с предикатами постоянного отношения. Неясно, однако, является ли эта и ряд других особенностей конструкции *буду* + инфинитив позднейшим расширением семантики или же она изначально присутствовала в семантике и в таком случае обеспечила *буду* + инфинитив победу над другими конкурентами в среднерусский период.

Сравним акциональные классы глаголов в составе конструкций БУДУ + инфинитив и СТАНУ + инфинитив в среднерусской письменности. В нашей выборке встретилось 160 различных глаголов со вспомогательным глаголом БУДУ и 135 со вспомогательным СТАНУ. Вопреки ожиданиям, лишь небольшая доля этого списка глаголов является общей для двух конструкций (глагольные лексемы совпадают только в 48 случаях).

Наиболее значимым отличием первого списка от второго является присутствие в нем стативных глаголов, обозначающих свойства, соотношения и состояния, ср.: *ненавидѣти, подлежати, пребывати, боятися, вѣдати, знати, имѣти, разумѣти, слыти, вдовствовати* и др. Напротив, в конструкции со СТАНУ такие глаголы практически не фиксируются. Исключениями можно назвать *бѣсноватися* и *владѣти*. Однако в последнем случае *владѣти*, употребляемый с БУДУ, и *владѣти*, зафиксированный со СТАНУ, представлены в разных лексических значениях. В первом случае это действительно стативный глагол со значением ‘господствовать, царить’ (ср. 2), а во втором — скорее предикат, обозначающий деятельность (*владѣти* в значении ‘управлять’), ср. (3):

(2) До тѣх мѣсть стояти будет государство всякое, пока мѣста в нем добродѣтель **владѣти будет**, и добрые святые и праведные обычаи и постановленья в чести содержаные будутъ. [О причинах гибели царств (1600–1610)];

(3) И детей моих Никифора и Гаврила ему, Богдану, грамоте научити и беречи и покоити всем, покаместа Бог их подымет на свои ноги, и **станут** собою сами **владети**. [Данная Ивана Григорьевича Нагого своему человеку Богдану Сидорову на сщ. Ануфриево с дд. в Селехове слб. Бельского у (1597–1598)].

С другой стороны, со СТАНУ гораздо охотнее сочетаются предикаты, обозначающие предельные действия с накоплением эффекта, например: *городити, жечи, задѣловати*,

строити, съяти, орати ‘пахать’. Напротив, предикаты такого типа практически не встречаются с БУДУ. В качестве исключения можно назвать *дѣлати*. Однако при более пристальном внимании к контексту становится понятно, что появление БУДУ, а не СТАНУ в этом случае объясняется именно континуативным значением (‘продолжу делать, доделаю’), которое вовсе не характерно для СТАНУ (Стойнова 2019: 68–70), ср.:

(4) а я сирота твой тотъ достальной кирпичь 130,000 **буду дѣлать** въ нынѣшнемъ 208 году въ лѣтнее время. [Дело о неисполнении подряда сделать 300000 кирпичу (1699.10.14)].

Такие различия в сочетаемости между БУДУ и СТАНУ в конструкциях с инфинитивами, по-видимому, не случайны. Они показывают, что БУДУ вовсе не был простой «иностранный» заменой СТАНУ, но проникал в глагольную систему через особый набор контекстов, не связанных с инхоативностью (выражением фазовой семантики), тогда как для обозначения возникновения новой ситуации или начала процесса в среднерусском языке существовали другие конструкции с инхоативами (СТАТИ и УЧАТИ, см. [Пенькова 2019]).

По-видимому, бóльшую склонность конструкции БУДУ + инфинитив к употреблению со стативами можно связать также с косвенным влиянием употреблений БУДУ в качестве связки именного сказуемого — т. е. в составе конструкции, также обозначающей свойства или качества субъекта. На это могут указывать такие контексты, в которых интересующая нас форма фактически является перифразой конструкции БУДУ + *причастие*:

(5) Яко сам Господ рече: «Не вы **будете глаголюще**, но Духъ Отца вашего **будет глаголати** в васъ». [Андрей Курбский. Предисловие к переводам житий Симеона Метафраста (1564–1583)];

(6) Аз отвѣщал: «Аще, — молвлю, — и добуду грецким **умѣющаго**, або латинским, но словеньский не **будут умѣти**». [Андрей Курбский. Послание Марку Сарыхозину (1564–1583)];

(7) Ах, горе, рече: поиди от мене, проклятий, Во огонь вечный: там **будеш** дияволи **ятий**, **Будеш** во тме кромешней на веки **сидети**, **Будеш** зубами **скрежащ** в геене **горети**! [Димитрий Ростовский. Успенская драма. (Комедия на успение Богородицы) (1680–1690)].

Различия между *буду* и *стану* (а также другими инхотивами, оставшимися здесь за рамками рассмотрения) вовсе не ограничиваются описанными выше особенностями, их следует искать и в семантике конструкций, и в характере самих письменных источников, однако всё перечисленное требует дальнейшего отдельного исследования.

Литература

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.
- Падучева 2009 — Падучева Е. В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания, № 6 (2009). С. 3–20.
- Пенькова 2019 — Пенькова Я. А. Иму, учьну, стану, буду: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. Vol. 67, no. 4). S. 569–586.
- Стойнова 2019 — Стойнова Н. М. Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. [Т.] 37, № 1. С. 58–82.
- Křížková 1960 — Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960.
- Moser 1998 — Moser M. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1998.
- Swan 2012 — Swan O. E. Why budu? // Russian Linguistics. No. 36 2012. P. 305–318.
- Whaley 2000 — Whaley M. L. The evolution of the Slavic 'BE(COME)'-type compound future: PhD dissertation. The Ohio State University, 2000.

Some Observations on the Semantics of the Imperfective Future in Middle Russian

The present paper investigates differences between the semantic types of predicates which occurred in the constructions with the auxiliaries *budu* and *stanu* in Middle Russian. The data for the research was collected using the Middle Russian part of the Russian National Corpus. The examples in the final dataset were classified according to the date, source, and semantic type of the verb used in the constructions in question. The study has shown that states were more likely to co-occur with the auxiliary *budu*, whereas accomplishments denoting the accumulation of effect — with the auxiliary *stanu*. Such differences between *budu* and *stanu* show that *budu* was not a simple “foreign” replacement for *stanu* but penetrated the verb system through a separate set of contexts not related to expressing inchoative meaning.

DOI: 10.31168/0459-6.11

Н. И. Зубов (Одесса, Украина)

Две рукописи Слепченского кодика XVI в. из Македонии

Слепченский кодик (иначе — помянник, поминальная книга) представляет собой рукопись, начало составлению которой положено в середине XVI в. в монастыре св. Иоанна Предтечи близ села Слепче в общине Демир-Хисар в Македонии. Рукопись была приобретена В. И. Григоровичем во время его научной командировки в 1844–1847 гг. в славянские земли, находившиеся тогда под владычеством Турции, и вывезена в Россию вместе с другими памятниками старой славянской письменности (Григорович 1848). В Одессу это рукописное собрание было привезено после назначения В. И. Григоровича деканом историко-филологического фа-